

Біблер Володимир. Культура. Діалог культур/Пер. с рус. яз. на украин. яз.: Волинець А., Морозовська Т., Копилов С. – Київ: ДУХ І ЛІТЕРА, 2018. – 368 с.

Книга В.С.Библера «Культура. Диалог культур» вышла на украинском языке в год 100-летия со дня рождения философа стараниями его учеников и сподвижников, которые сгруппировались вокруг издательства «Дух и литера». О том, какая подвижническая работа была проделана, свидетельствует приложенный в конце книги Словник, из которого видны трудности, возникавшие при переводе.

Книга состоит из Предисловия, написанного И.Л.Берлянд, двух разделов и упомянутого небольшого Словника. В.С.Библер представлен в аннотации как «творец оригинальной философской системы диалогистики, или логики диалога культур (=культур логики). Библер последовательно развивает концепцию культуры как диалога культур: культуры разных эпох не снимают друг друга на пути общечеловеческого прогресса, однако в мышлении, художественном видении, общественном бытии современных людей они общаются, спорят», «взаимообосновывают друг друга». В книге переведены статьи, написанные более 25 лет назад, но которые до сих пор актуальны.

В первом разделе помещены статьи В.С.Библера «Культура. Диалог культур», «Цивилизация и культура», «Нравственность. Культура. Современность», «Культура и образование», «О гражданском обществе и общественном договоре». Все эти статьи российский читатель может прочесть в сборнике «На гранях логики культуры» (М., 1997). Второй раздел представляют статьи А.В.Ахутина «Все еще только начинается (Памяти Владимира Соломоновича Библера)», И.Л.Берлянд «Про Владимира Соломоновича Библера» и А.Волынца «Как я читаю Библера».

3 – 5 июля в Киеве состоялась презентация этой книги, на которой присутствовали не только киевские, но и московские, и разъехавшиеся в разные стороны мира его сподвижники, друзья и ученики.

М.К.Петров. История институтов науки. Опыт изложения институциональной истории науки на материале англо-американской научной традиции. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2017. – 404 с.

Книги М.К.Петрова издаются в России с 1991 г. Эта интересна, разумеется, помимо содержания, тем, что она издана на средства внука М.К.Петрова – Д.А.Петрова, который ко времени его кончины был маленьким мальчиком.

Книга написана в 1983 г. Пролежала до настоящего времени в столе, как и все другие произведения философа. В ней, как сообщает аннотация, проводится «идея существования упорядоченных национальных континуумов тезаурусных значений, в языковой среде которых разворачиваются события, связанные с движением людей в процессе естественного взросления и развитием научно-исследовательской деятельности. Основная тема – *упорядоченное встречное движение университетских ученых или научно-академического сообщества и движение онаучиваемых взрослых людей, а также онаучивающих их идей*».

Книга состоит из Введения и ряда глав («Дисциплинарные когорты», «Королевское общество Лондона», «Споры о причинах и механизмах институционализации опытной науки в Англии середины XVII в.», «Истолкование роли Бэкона в фундаментальных исследованиях и приложении» и др). Монография увенчивается «Апологетикой науки», посвященной в основном обзору работы П.Коллинза «Британская Ассоциация в роли публичного апологета науки в 1919 – 1946

гг.)), где проводится мысль, что оправдание науки в это время заключается в «постоянно воспроизводящейся тематике вплоть до того момента, когда воздействие науки на общество стало ощутимым. То, что было специфичным для периода между двумя мировыми войнами, состояло скорее в размахе и интенсивности дискуссий, а не в самом факте их наличия» (с.384 – 385).

В Заключении, хотя в книге речь идет в основном о Британской ассоциации, автор выражает озабоченность взаимодействием институтов государства и науки, направленностью «государственной академической политики», будучи уверенным в том, «воздействие это может быть разумным и не очень, но всегда оно оказывается действенным и оставляет долговременные отметины на Т-континууме» (с. 399).

Михаил Гефтер в разговорах с Глебом Павловским. 1917. Неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. М.: Изд-во «Европа», 2017. – 219 с.

Это очередная книга бесед историка М.Я. Гефтера, 100-летие со дня рождения которого мы отмечали в этом году, с политологом Г.О.Павловским (предыдущая: «Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством» вышла в 2015 г.). В этой книге речь идет о «политике и метафизике **Революции 1917 года**». Смысл бесед, однако, не только в осознании того, что русская революция не была остановлена и продолжается до сих пор, что отличает ее от других великих революций, но и в том, чтобы понять Россию XV – XIX вв. «в мировом контексте», когда капиталистические монополии насаждались сверху, встраиваясь в «рабский» социум (с. 42).

Книга состоит из предуведомления о содержании книги, а главное о трудностях составления, написанного Павловским и названного «От составителя», статьи Гефтера «"Я марсианин". Революционное метапоколение» и бесед, разделенных на 10 частей и два Приложения «Абсурд и память в XX в.» и «Генетическая вмятина».

Составитель изложил темы, которые будут в дальнейшем развернуты в беседах: тенденция к неостанавливаемости революции, завязанная на два имени – Ленина, перед смертью пришедшего к мысли освободить от нее людей и Сталина, который «сдерживает и консервирует» ее, «творя анти-мир» (с. 12), темы, касающиеся роли протагониста в истории, «*предальтернативах* как генераторах истории.

Первая часть названа «Революция и ее остановка», в которой важен раздел «Изобретение смерти. Человекоубийца и его презрение к смерти. Рахметов, Ленин, Сталин». Во второй части акцент падает на декабристскую идею революционно-термидорианского уравнивания, в третьей – на модель «революции сверху» и мыслящее меньшинство, в четвертой – на «рождение харизматического лидера и далее – на столыпинскую альтернативу, на внеземной коммунизм, на недорост до трагедии, прекращение интеллигенции, исчерпание истории.

Книга обращена ко всем, но – прежде всего – тем, кто продумывает поставленные вопросы.

Составлено Неретиной С.С.

Эрнест Джонс. Гамлет и Эдип. Пер. с англ. А. В. Белых; под науч. ред. А. А. Белых. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 216 с.

Классическая работа друга и ученика Зигмунда Фрейда, американского психоаналитика Эрнеста Джонса, сопровождаемая комментарием самого Фрейда, который был ее первым, внимательным и пристрастным

читателем/критиком/редактором, «Гамлет и Эдип» представляет собой наглядный пример строго психоаналитического подхода к истории культуры и произведениям искусства. Джонс емко, образно и доходчиво, демонстрируя огромную эрудицию и великолепное знание предмета, пытается обосновать тезис, заявленный в названии книги – истолковать сюжет «Гамлета» через призму ключевого понятия Фрейда, эдипова комплекса. Однако к делу Джонс подходит чрезвычайно обстоятельно, и прежде чем начать «продвигать» психоаналитическую версию, перебирает все прочие известные ему на тот момент, показывая их частичную или полную несостоятельность. Надо отдать ему должное: даже если относиться к фрейдовой одержимости эдиповым комплексом и желания увидеть его буквально везде и во всем скептически, нельзя не отметить, насколько подробно и тщательно движется по тексту «Гамлета» и позициям его интерпретаторов Джонс. Сила, с которой Фрейд и психоанализ эдипизируют Гамлета – а трактовка эта по-прежнему весьма влиятельна – не в последнюю очередь связана с основательностью психоаналитической проработки: мало что можно возразить исследователю, если видишь, как дотошно он разбирает буквально каждую строчку произведения. Метод аргументации Джонса прост, но эффективен: он – холист. Он развивает тезис каждого из своих оппонентов до предела, показывая, что их интерпретация базируется лишь на каком-то фрагменте «Гамлета», смысл которого затем распространяется на все произведение – но «Гамлет» как целое больше своих частей, и если попытаться смоделировать его ход исходя из любого такого частичного тезиса, мы получим всякий раз иного «Гамлета», не совпадающего с сюжетом, выстроенным Шекспиром. С точки зрения Джонса, «Гамлет» должен быть истолкован психоаналитически прежде всего ради самого «Гамлета»: только так он предстанет перед нами чем-то цельным и связным, а не набором отдельных ярких фрагментов и сцен. Главная идея Джонса даже не в том, что Гамлет страдает эдиповым комплексом и не может убить Клавдия именно потому, что тот в каком-то смысле он сам, реализовавший скрытую интенцию убийства отца. Джонс убедительно показывает, что «Гамлет» – это одна из самых честных историй мировой литературы: мы не понимаем Гамлета потому, что Гамлет *сам не понимает себя*, не понимает, что с ним происходит и в силу каких причин. Автор честно передает своим произведением, что его главный герой сбит с толку, и это чувство потери почвы под ногами, ясного видения, мгновенно и заразительно передается нам как читателям и, более того, как потенциальным соучастникам трагедии. Могущественная сила чувства в том, что его природа неясна, а основания скрыты, и порой оно не столько побуждает нас к действию, сколько препятствует ему – вот простое и великое открытие Шекспира, ставшее путеводной звездой новой психологии и, в конечном итоге, фрейдовского психоанализа. Эмоции – это буря, поднятая специально, чтобы замутить какую-то фундаментальную мотивацию нашего поведения, взглянуть которой в лицо мы не в силах. «Гамлет» ошеломляет нас бурей своих страстей, но весь вопрос в том, можем ли мы через них пробиться, получить доступ к сути происходящего. Психоаналитическая трактовка Фрейда-Джонса – несомненно, сильная и добросовестная попытка сделать именно это, а не добавить «Гамлету» дополнительного шума.

Гарольд Блум. Западный Канон. Книга и школа всех времен. Пер. с англ. Д. Харитоновой. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 672 с.

Фундаментальный труд знаменитого американского критика и литературоведа Гарольда Блума, прославившегося своей теорией *страха влияния* – в основе которой идея, что всякий сильный художник строит свое творчество в сложной зависимости и в непрестанных попытках освобождения от творчества предшественника. В отличие от «Страха влияния», книги компактной и очень постмодернистской по замысловатости

исполнения, «Западный Канон», написанный на 20 лет позже – проще и доходчивее, но в то же время и более размыт, в нем больше воды, проходных моментов, повторов и даже некоего брюзжания, хотя и по-своему обаятельного. В «Каноне» Блум преследует слишком много целей – защищает от нападок теорию страха влияния, сам в свою очередь нападает на новые культурные стратегии, подчиняющие искусство политическим веяниям дня вроде мультикультурализма и феминизма, пытается доказать, почему литература больше, лучше и нужнее, чем философия, но главное – выстраивает свою собственную грандиозную культурологическую и литературоведческую схему. Правда, ее основу он заимствует у Вико: это идея, что человеческая история есть цикл сменяющих друг друга великих эпох: Теократической, Аристократической, Демократической и Хаотической. Стремясь поразить столько целей за раз, Блум неизбежно выхолащивает свой анализ, и на каждом повороте делается ясно, что преимущество на стороне яростно отвергаемой им философии: автор-философ проработал бы все эти вопросы куда более строго и последовательно, чем это делает он. В результате, действительно блистательные разделы этой книги соседствуют с откровенно дурными и неглубокими, и общий ее тон, при всей симпатии к пафосу автора, очень «интеллигентский»: Блум изо всех сил защищает Канон (великие произведения искусства) от нового варварства и пошлости, настойчиво твердит нам о глубине, мудрости и прочих достоинствах канонических книг, но его усилия обесцениваются огромным количеством назывных предложений и претенциозных оценок. Что Шекспир велик, поскольку он велик – с этим трудно поспорить, но и развернуться мысли здесь особо не на чем. Некоторые тезисы Блума интересны, но не доработаны: например, что это не Фрейд истолковал Шекспира, а Шекспир – Фрейда. «Фауст» Гете назван контр-канонической поэмой, но автор это ничем не обосновывает, кроме остроумно подмеченного «хулиганства» Гете в тех или иных сценах. А между тем, достаточно немного задуматься, и понимаешь, что фигура мудреца, ученого. Человека познания и впрямь не укладывается толком ни в одну из перечисленных Блумом-Вико эпох/парадигм и заставляет, тем самым, пересмотреть предлагаемую структуру канона. Дальше – больше. Если с Библией, Гомером, Данте, Сервантесом, Шекспиром все относительно понятно, то начиная с Демократической эпохи, подбор персоналий и трудов начинает выглядеть все более произвольно. Присутствуют Джейн Остен и Джордж Элиот – со всем уважением, но почему? И почему центром американского Канона назван Уитмен, и при этом не упомянуты ни По, ни Твен? Почему не включены Томас Манн, Томас Вулф, да и масса других авторов? Конечно, Блум отстаивает свою позицию: во-первых, тем банальным соображением, что хороших и даже отличных книг очень много, все не охватишь. Во-вторых, для него явно имеет значение то, что он определяет как когнитивную самобытность, проще говоря, оригинальность – и здесь с его списком избранных можно хотя бы в чем-то согласиться. Но чаще возникает впечатление, что Блум регулярно не договаривает буквально по несколько простых фраз в каждом разделе, которые сделали бы его позицию более прозрачной и убедительной. Например, что Теократическая эпоха определяется тем, что главный герой ее текстов – бог. Это просто, и возможно, именно это Блум и имеет в виду, но ясно в книге такие вещи почему-то не проговариваются, зато в ней преобладают риторика и дидактичность. Проще говоря, «Западный Канон» прост там, где надо бы посложнее, и замудрен там, где надо бы попроще. Но тем не менее, удовольствие от его чтения все равно значительное, а некоторые основные определения Блума хочется цитировать и развивать: канонический автор не следует традиции, а включает ее в себя; каноническое произведение всегда в той же мере контр-канонично, в какой и канонично; Канон – это все то, что *мы захотим сохранить* для вечности.

Инухико Ёмота. Теория каваяи. Пер. с яп., вступ. статья А. Беляева. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 216 с.

«Что-то маленькое. Что-то, к чему непонятным образом привязываешься. Что-то хрупкое, непрочное, что-то, что может легко сломаться, если не обращаться с ним бережно. Что-то романтическое, наделенное силой увлечь человека в мир грез. Что-то прелестное, восхитительное. Что-то, во что можно влюбиться с первого взгляда. Что-то удивительное. Что-то, что скрывает в себе тайну, хотя до него можно с легкостью дотронуться. Стоит только раз распылить волшебный порошок... и все кругом, вплоть до самых обыденных вещей, миг наполнится ощущением близости и родства, кругом воцарится дружелюбие и радушие. Утопия, оберегаемая невинностью и праздностью. Погрузившись в нее, сбросив оковы реальности, человечество потонет в безграничном море любви... опьянеет и сойдет с ума от счастья, над которым время не властно».

Книга японского семиотика, литературоведа и кинокритика Инухико Ёмоты посвящена одному из самых известных феноменов современной японской массовой культуры – *кавайи* (в просторечии, каваю, т.е. культу всего трогательного и милого, от несчастных большеглазых брошенных котят до столь же большеглазых школьниц в клетчатых юбочках, неоднократно спасающих мир в японских мультфильмах-анимэ). Ёмота прослеживает этимологию этого термина вплоть до самых ранних словообразований эпохи Нара-Хэйан, демонстрируя тем самым, что каваяи на самом деле очень древний культурный феномен, присущий японской эстетике и ментальности с незапамятных времен. Анализируя ассоциации с похожими вроде бы терминами из других культур, Ёмота приходит к выводу, что сходство это весьма и весьма поверхностное, и что по-настоящему точных аналогов каваяи в мире нет – хотя, например, слово *cute* в современной англо-американской подростковой субкультуре стоит к нему довольно близко, не говоря уже о более раннем европейском сентиментализме с его миленьким «красивым» в противовес романтическому «возвышенному». Книга Ёмоты многоуровневая, она чередует этимологические и исторические изыскания со свободными размышлениями на заданную тему, цитаты из древних романов – с социологическими опросами в среде современных японских студентов. Завершается она неожиданно мрачным эпилогом «Сумерки каваяи», в котором автор пытается показать скрытую от всех темную сторону каваяи, проводя неожиданную связь между образами умильного и зловещего. Вот к какому выводу он приходит: «Каваяи, при всей своей эфемерности и уязвимости, вдруг с легкостью может превратиться в нечто опасное... В один прекрасный момент на поверхность вылезут все те психологические и исторические обстоятельства, которые ока что скрыты под вуалью каваяи, и тогда в нашем обществе случится катастрофа... От столкновения с действительностью нас отделяет всего лишь тонкая пленка каваяи, и только благодаря ей катастрофы до сих пор не случилось». Этот странно ницшеанский вывод – Ницше тоже толковал о культуре как о яблочной кожуре над раскаленным хаосом – оставляет читателя в недоумении по поводу того, в чем же проблема каваяи: в том, что оно просто неудачное заклинание против хаоса, построенное на иллюзии и самообольщении, или же первый форпост самого хаоса, хитро замаскированный под неправдоподобно симпатичной и иррационально располагающей к себе оболочкой.

Михаил Зыгарь. Империя должна умереть: История русских революций в лицах. 1900-1917. – 2-е изд. – М.: Альпина Пабlishер, 2018. – 909 с.

Книга М. Зыгаря, несмотря на мрачный посыл, заключенный в ее названии и теме, а также весьма значительный объем, читается легко и захватывающе. Автор дает широкую перспективу событий и действующих лиц, отмечающих собой начало

русского XX века и конец Российской империи – от Толстого и Горького до Витте и Ленина. Основные персонажи книги Зыгаря – политические деятели (в диапазоне от охранителей до революционеров) и деятели культуры, из которых предпочтение явно отдается писателям: за исключением Дягилева, внимание всем остальным уделяется по остаточному принципу, если вообще уделяется. Автор сознательно и даже, кажется, с удовольствием ломает штампы и привычные схемы, которых можно было бы ожидать от такой книги. Главный вопрос: действительно ли царская Россия была обречена, была ли революция неизбежна? – вопреки утвердительным интонациям в аннотации, остается открытым. Зыгарь показывает, насколько успешно Александру III удалось подавить революционные тенденции, насколько тотальной и неодолимой казалась власть реакции при нем и в первые годы правления Николая II, да и позже. Даже чудовищные просчеты последнего были способны всего лишь возмутить поверхность российского политического застоя. Потребовались две неудачные войны, одна из них – мировая, чтобы расшатать махину империи; но и этого было еще недостаточно, равно как и активной деятельности революционных сил. Решающую роль, и это впечатление чтением Зыгаря действительно навеивается, сыграл русский истерический патриотизм, обратившийся против своих прежних носителей. Монархия пала потому, что большая часть ее сторонников – военных, политиков, священства, вплоть до самых что ни на есть простых людей – разуверилась в Николае как в подходящей фигуре для победного завершения войны с Германией. Принужденные выбирать между величием России, как они его понимали, и слабым и неадекватным ее правителем, они предпочли пожертвовать им – но вовсе не ради торжества свободы и демократии, а, напротив, ради дальнейшего сохранения России в качестве безжалостного имперского монстра. Именно они нанесли решающий удар в спину царской власти, а уж затем та выпала и покатилась, пока ее не подобрали – довольно случайным образом, с точки зрения автора – окончательные бенефициары катастрофы, большевики. Вывод невеселый, и на самом деле подрывающий всякую прогрессистскую уверенность, во-первых, в 100%-ой неизбежности революции согласно законам какой-то «исторической необходимости», а во-вторых, в том, что в России случилась именно что революция, а не нечто иное. И дело здесь не в поднадоевшем споре, называть ли Октябрь 1917-го «революцией» или «переворотом». Не всякий слом власти, даже с привлечением широких народных масс, можно квалифицировать как революцию. И если это так, то в России революция могла так и не взреть в качестве подлинно революционного самосознания; мотивы к свержению царской власти могли остаться совершенно не- или даже антиреволюционными. Т.е., событие, внешне идентифицированное как «революция», могло произойти не по логике «революционного процесса», а быть следствием развития совсем иных посылок. И ошибка в понимании этого может стоить очень дорого уже не только искренне верующим в «коммунистическую революцию», но и всем, кто пытается разгадать алгоритм российской истории и делать какие-то расчеты на будущее страны, основываясь на наивной вере в «бесспорную обреченность» каких-то политических реалий и стратегий только потому, что они противоречат прогрессистской схеме. Дополнительный щекочущий нервы бонус на заданную тему – многочисленные примечания от автора, в которых проводятся содержательные параллели между днем минувшим и нынешним, фигурами тогдашней и теперешней политики. Сходство, как можно было бы догадаться, разительное и потому грустное, льющее воду на мельницу всех тех, кто считает, что Россия вот уже сто лет, если не больше, ходит по заколдованному замкнутому кругу, конца и края чему не видно.

Составлено Мурзиным Н.Н.